

3. Экономические «пробуксовки» и миф о коммунизме

1958 г. отличает конец периода коллегиального руководства, победу Хрущева в пятилетней борьбе за власть и вместе с тем — важный рубеж в чрезвычайно богатом переменах и изломах первом послесталинском десятилетии. Это подтверждает и взгляд с экономической точки зрения. Ж.Сапир выделяет две фазы хрущевского периода: фазу, «когда реформы эффективно изменили экономические и социальные механизмы» (1953 — 1958 гг.), и вторую фазу, когда ««пробуксовка» в дальнейшем движении привела к воспроизводству взаимоотношений сталинской, волюнтаристской модели управления». В строго политическом смысле 1958 г. поставил точку после долгого периода неопределенности, с экономической же точки зрения 1958 г. предстает той вехой, миновав которую хрущевский проект, осуществлявшийся с 1953 г. и так и не сломавший основ волюнтаристского управления, покатился под гору.

Трудности, с которыми столкнулась реализация хрущевского проекта, привели и во внутренней политике, и во внешней к все более авантурным инициативам, к расцвету мифа о «переходе советского общества к коммунизму», к умножению всякого рода «кампаний» (типа упомянутых выше «рязанского дела», «кукурузной кампании», «наступления на целину»), призванных в кратчайшие сроки добиться впечатляющих результатов, а также к возвращению в экономику начиная с 1958/59 г. явлений, во многом напомнивших о положении конца 40-х — начала 50-х гг.

В промышленности 1958/59 — 1964/65 гг. были отмечены:

- значительным увеличением капиталовложений и быстрым ростом кредитов, превышавших возможности государственного бюджета;
- резким и неконтролируемым ростом промышленности, производящей средства производства;
- непредвиденным массовым притоком низкоквалифицированной рабочей силы из сельской местности, усилившим текучесть кадров, которую так и не удалось преодолеть принятым в 1960 г. законом против «летунов»;
- ощутимым снижением темпов экономического роста;
- увеличением дефицита, связанным со снижением интенсивности развития промышленности средств потребления.

Для объяснения все большей нехватки самого необходимого власти прибегли к классическому маневру, обрушившись на «спекулянтов». В 1961 г. обвиненные в «экономических преступлениях» стали приговариваться к смертной казни, которая за два года была применена более 160 раз.

В сельском хозяйстве также произошло снижение темпов роста (сельскохозяйственное производство возрастало в среднем на 1,5% в год в период 1959 — 1964 гг. против 7,6% в 1953 — 1958 гг.; то же — 3% против 9% — имело место и в отношении роста производительности труда). В 1959 — 1964 гг. среднегодовое производство зерновых на душу населения едва превышало уровень 1913 г.

Особенно плохим был урожай 1963 г., что во многом явилось следствием принятой в 1962 г. «кампании по ликвидации паров», отчего засуха 1963 г. переросла в подлинную катастрофу. Интенсивная монокультурная эксплуатация целинных зе-

мель привела к их сильнейшей эрозии, вследствие чего эффективность их возделывания упала по сравнению с первыми урожаями на 65%. Чтобы избежать голода, правительство было вынуждено закупить за границей более 12 млн. т зерна, что обошлось в 1 млрд. долл.

Трудности, переживаемые сельским хозяйством, непосредственно отразились на городском населении. Преследуя похвальную цель приблизить цены к реальным затратам, правительство перенесло повышение оптовых цен (20 — 30%) весной 1962 г. на розничные цены. 1 июня 1962 г. «Правда» опубликовала постановление о повышении цен на мясо (на 30%) и масло (на 25%), вызвавшее большое недовольство. Этот шаг сопровождался замораживанием заработной платы и отказом от постепенной отмены подоходного налога. В настоящий бунт перерос народный протест на предприятиях Новочеркасска; для восстановления порядка в городе были использованы войска, применившие оружие, что привело к десяткам жертв среди манифестантов. Волнения в менее острых формах (забастовки, митинги протеста) прокатились по другим городам.

Более, чем собственно климатическими причинами, кризис в сельском хозяйстве был вызван социально-экономическими формами организации сельского хозяйства, отсутствием сколько-нибудь глубокой реформы колхозного строя, принципы которого (ценообразование, производственные отношения, планирование), ориентированные в конечном счете на изъятие, делали невозможным расширенное воспроизводство.

Началом описываемого экономического периода стал внеочередной XXI съезд КПСС, созванный 27 января 1959 г. специально для одобрения нового семилетнего плана. Этот план заменял собой шестой пятилетний план, принятый в 1956 г. и подвергшийся многочисленным изменениям.

Новый амбициозный план (согласно ему в течение семи лет предполагалось обеспечить рост тяжелой промышленности на 85%, легкой — на 62, сельского хозяйства — на 70, национального дохода — на 65, реальной заработной платы на 40%!) должен был позволить Советскому Союзу «догнать и перегнать» Соединенные Штаты и к 1965 г. выйти на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству на душу населения. XXI съезд стал свидетелем рождения нового мифа — о переходе СССР к коммунизму. Строительство социализма было провозглашено завершенным, и речь отныне шла о том, чтобы приступить к «созданию в стране коммунистического общества», которое на горизонте 80-х гг. обеспечит полное изобилие и счастье каждого советского гражданина.

После того как на XX съезде КПСС были сделаны первые шаги к признанию преступлений прошлого и реально существующих проблем, XXI съезд, казалось, снова повернулся спиной к действительности. Возвращение к мифологии было встречено населением, испытывавшим повседневные лишения, со скептицизмом. Не свидетельствовал ли новый миф, ставший источником горьких анекдотов («Коммунизм уже на горизонте. — А что такое горизонт? — Это линия, которая удаляется по мере приближения к ней»), о неспособности властей решиться на радикальные перемены в экономике?